Государство усиленно старается расширить сферы функционирования осетинского языка в обществе как на Севере, так и на Юге Осетии. В обеих частях Осетии пытаются организовать школы или гимназии, где языком обучения полностью бы использовался осетинский язык, хотя бы до пятого класса. В маленьких городах Северной Осетии и сельских школах языком преподавания является, как правило, осетинский язык.

Осетинский язык делится на два диалекта, однако носители этих диалектов без особых затруднений могут понимать друг друга.

Сравнительно распространенным языком является белуджский [6, 110]. Численность белуджей составляет 10 млн человек. Большинство этого народа проживает в Пакистане и Иране. В Иране белуджский язык не имеет никакого официального статуса. Для белуджского населения Ирана организован ряд радиопрограмм.

В Пакистане значимость белуджского языка значительно выше. В школах преподавание ведется на урду и английском. На белуджском языке активно ведутся радио- и телепередачи. Белуджский язык изучается и исследуется в университете города Кветта. На белуджском языке издается часть журналов [2, 316-319].

В Афганистане на белуджском языке ведутся радиопередачи, печатается газета и журнал.

Другие иранские языки не имеют никакого официального статуса. Многие иранские языки, носители которых малочисленны, не имеют даже письменности. Для записи фольклорных текстов используются или арабское письмо, или латиница, или кириллица [2].

1. Брук С.И. Население мира. Этнографический справочник. М., «Наука», 1986.
2. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
3. Основы иранского языкознания. новоиранские языки: восточная группа. М., «Наука» 1987.
4. Основы иранского языкознания. новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
5. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II. М., 1997.
6. Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки. II. М., 1978.

Сокаева Д.В., Дзапарова Е.Б.

**Топос «мельница» в осетинской мифологической картине мира:
к постановке вопроса**

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И.
Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2017-07

idsp: 000001:spc-26-10-2017-07

Культурно-производственный знак традиционного уклада осетин «водяная мельница» является одним из водных топосов в наивной и естественно-научной картине мира осетин наряду с топосами «река», «море», «озеро», «родник». Вместе с тем, мельница – это важнейший производственный объект жизнедеятельности и трудовой жизни осетин. Особенностью топоса «водяная мельница» является то, что в нем отражено сочетание природного (вода) и культурного (постройка и процесс

производства) начал. В мифологической картине мира водными топосами осетинского фольклора также являются молочное озеро, река с мостом и т.д.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью философского и этнологического осмысления многовековых этнических традиций и религиозно-мифологических механизмов освоения пространства народов, в частности, осетин.

Анализ научных источников показал разработанность данного научного исследования в мировой и отечественной науке в целом, но затронутая нами тема не разработана на осетинском материале, тем более, в комплексном освещении. Непосредственно мельница рассматривалась в работах по зодчеству и архитектуре. В частности, изучались особенности архитектурного облика водяных мельниц (мельницы как архитектурного сооружения), строение всякого рода мельниц [1], [2], история мельничного дела [3], принципы и приемы устройства мельниц [4], [5], [6] и др. Литература об устройстве, использовании и т.д. водяной мельницы в хозяйственной жизни осетин не очень обширна. В освещении рассматриваемого вопроса значительная заслуга принадлежит этнографическим исследованиям. Это работы Е.Г.Пчелиной [7], С.А. Семенова [8], Б.А. Калоева [9]. Отдельного внимания заслуживает и труд Ю. Клапрота [10]. В записках, сделанных им во время путешествия по Осетии в 1807-1808 гг., мы находим богатый фактологический материал об использовании водяных мельниц для получения муки. В работе А.Х. Магомедова «Общественный строй и быт осетин (XVIII-XX вв.)» [11] дается описание орудия обмолота, в частности мельницы. Б.А. Калоев, рассматривая в работе «Земледелие народов Северного Кавказа» [9] развитие традиционного земледелия у осетин уделяет внимание и устройству мельницы. Комплексного исследования, изучающего водяную мельницу как памятник материальной культуры осетин на основе архивных, археологических, этнографических, лингвистических, фольклорных материалов, нет. Нет и исследований, проведенных на основе химического анализа археологического материала, касающегося водяной мельницы и ее атрибутов. Мировая фольклористика в большом количестве располагает этнологическими исследованиями о функции колдунов (а ими являются, по представлениям многих народов, мельники) в традиционном обществе [12], [13]. Нам импонирует в этих исследованиях именно комплексный подход к анализу функции фигуры того или иного персонажа традиционной жизни. Сокаевой Д.В. классифицированы и проанализированы мифологические рассказы о женщине-волчице и других демонологических персонажей осетинского фольклора [14], рассмотрены сюжеты с образом мельницы в Нартском эпосе осетин, волшебной сказке и других жанрах. При анализе фольклорных произведений ею был успешно применен сравнительно-исторический метод исследования, который предполагает стадияльное развитие жанровых форм и их взаимодействие. Бесоловой Е.Б. рассмотрен осетинский погребальный обряд с точки зрения взаимообусловленности знака, образа, мотива [15]. Именно в погребальном обряде осетин часто встречается образ мельницы, а мельник мыслится как человек со сверхъестественными способностями, способным видеть иной мир и воздействовать на него. Абаевой Ф.О., Дзлиевой Д.М. освоена методика по выявлению опорных концептов осетинской традиционной культуры на материале свадебной обрядности. Эта методика может быть применена к фольклорно-этнографическому материалу, связанному с водяной мельницей и фигурой мельника. Туаллагов А.А. является автором многочисленных трудов, в которых применен метод интеграции данных фольклора, языка, этнографии и археологии, в том числе им интерпретируются эпиграфические памятники (напр., Зеленчукская надпись). В проекте будут использованы его базы данных по археологии и сведения о том, что использование жернова в качестве закладного камня маркирует аланскую погребальную традицию (Змейский катакомбный могильник) и характерно для осетин, что говорит о

преимущества, например, жернов возлагался на могилу последнего представителя рода еще в 20-е годы XX века.

Попытка комплексного анализа культурно-производственного объекта предпринимается нами, и в отношении выбранного объекта исследования на территории Северной Осетии, впервые, и в случае успешности его результатов, выработанные методы и умения будут применены и в отношении других подобных объектов.

1. Каофенгофер А. Подробное изъяснение о колесах в водяных мельницах и о внутреннем строении пильных мельниц с десятью листами. / Пер. с нем. Курск, 1793. 47 с.
2. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории. М., 1981. 129 с.
3. Красноречьев Л.Е., Тынтарев Л.Я. Как красота и мера скажут: Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л.: Лениздат, 1971. 96 с.
4. Афанасьев П. Мукомольные мельницы: устройство мельничных машин и мельниц. Приготовление муки и крупы. СПб., 1883. 267 с.
5. Штурм Л.К. Совершенное описание строения мельниц М.: Сенатская типография, 1782. 162 с.
6. Милютин А. Руководство к построению водяных мельничных колес основанное на законах Гидро Динамики. М., 1828. 103 с.
7. Пчелина Е.Г. Осетинская мельница «къада куырой» // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXV. Орджоникидзе. 1966. С. 254-285.
8. Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974. 318 с.
9. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. 249 с.
10. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С.105-180.
11. Магомедова А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XX вв.) Орджоникидзе, 1974. 369 с.
12. The Athlone history of witchcraft and magic in Europe. Vol. 6. Witchcraft and magic in Europe: The 20th century / Ed. by B. Ankarloo, S. Clark. London, 1999. Pp. 141-235.
13. Ashforth A. Of secrecy and the commonplace: Witchcraft and power in Soweto // Social Research. 1996. Vol. 63. Pp.1183-1234.
14. Сокаева Д.В. Образ женщины-волчицы (ус-бирагъ) осетинской сказочной прозы в контексте фольклора индоевропейских народов // Известия СОИГСИ. Вып. 1(40). 2007. С. 201-222.
15. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ, 2008. 406 с.
16. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин. Лексика. Семантика. Символика. Владикавказ, 2013. 251 с.
17. Дзлиева Д.М. Динамика исторического развития свадебного музыкального фольклора осетин. Владикавказ, 2014. 363 с.
18. Туаллагов А.А. Зеленчукская надпись. Владикавказ, 2015. 430 с.

Соколова М.Г.

Тополь как элемент «троемирия» в русской пейзажной лирике

*ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»
(Россия, Тольятти)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2017-08

idsp: 000001:spc-26-10-2017-08

Аннотация

Данная статья посвящена характеристике языкового воплощения образа тополя как элемента пейзажного комплекса в русской лирике. Целью исследования является выявление устойчивых метафорических средств, репрезентирующих образ тополя как элемента идеального поэтического пейзажа. В результате проведенного исследования установлено, что с образом тополя связан ряд устойчивых поэтических формул, которые обладают семантической многоплановостью. В статье описаны символические значения, лежащие в основе метафорического образа поэтического тополя.

Ключевые слова: русская лирика, идеальный пейзаж, поэтический комплекс, образ тополя, поэтическая формула.